

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ ПРАВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

© 2014 г. Светлана Анатольевна Хмелевская¹,
Дмитрий Николаевич Ермаков²

Краткая аннотация: в статье раскрывается идея, что философские основания теории права представляют собой интерпретативные предложения, позволяющие соединить, с одной стороны, теорию права, а с другой – систему философского знания. Кроме того, обосновывается утверждение об амбивалентности философского знания, выступающего в качестве философских оснований теории права. Амбивалентность в данном случае рассматривается как соединение рефлексивной философии, анализирующей правовую реальность в логике своего бытия, и валуативной философии, исходящей из разного рода ценностных суждений, касающихся права.

Annotation: in article it is proved the idea that the philosophical foundations of the theory of law are interpretive suggestions, allowing to connect the one hand, the theory of law, and on the other – a system of philosophical knowledge. Furthermore, the assertion is proved duality of philosophical knowledge, serving as the philosophical foundations of the theory of law. Duality in this case is regarded as a compound reflective philosophy, analysing the legal reality in its logic, and valuable philosophy coming from all sorts of value judgments concerning the right.

Ключевые слова: философские основания, теория права, рефлексивное знание, валуативное знание, гносеологическая истина.

Key words: philosophical foundations, theory of law, reflective knowledge, valuable knowledge, epistemological truth.

На протяжении ряда лет ведутся дискуссии относительно философских оснований социально-гуманитарного знания, безусловно имеющего свою специфику, о которой рассуждали еще неокантианцы (в частности, представители Баденской школы). К этому знанию относятся и юридические науки (хотя именно их научность нередко и вызывает сомнение, о чем весьма убедительно написал в одной из своих работ П. Амселек³).

Прежде чем анализировать заявленную тему исследования, кратко остановимся на особенностях социально-гуманитарного знания, которые задаются спецификой его объекта и предмета, а отсюда – и отличительные черты раскрываемых им закономерностей. Если говорить об объекте изучения такого знания, то им являются общество и человек (в ракурсе всех проявлений его социальности. При этом даже его телесность изучается не сама по себе, что, собственно, относится к объектам изучения естественных наук, а в связи с проявлениями социальности). Соответственно, объект изучения конкретизируется в предмете, что позволяет различать разные виды социально-гуманитарного знания в рамках дисциплинарной матрицы (отдельной науки, продуцирующей такого рода знание). Именно предмет той или иной социально-гуманитарной науки в конечном счете

может быть определен как совокупность закономерностей, которую раскрывает данное знание. Эти закономерности, будучи продуктом внутренней самоорганизации общества и характеризуя его предметную целостность, носят объективный характер. “Они формируются как устойчивые, необходимые, существенные связи между людьми или элементами общественной системы на основе общественного производства в ходе осознанных действий больших масс людей, преследующих свои цели”⁴.

Их объективность задана, с одной стороны, структурой базисных потребностей человека и общества, с другой – процессами самоорганизации социальной жизни и, наконец, с третьей – объективацией результатов деятельности предшествующих поколений людей (для последующих поколений данные результаты будут выступать в качестве базиса, который предопределяет их деятельность в настоящем: иными словами, это – то, что можно назвать необходимостью, обусловленной обстоятельствами места, времени, действия). Вместе с тем указанные закономерности проявляются через деятельность людей, наделенных волей и сознанием. Учет или не учет объективных закономерностей общественного развития в конечном счете обнаружится в том, совпадут или нет поставленные цели с полученными результатами деятельности.

Далее следует отметить такую черту социально-гуманитарного знания, как его амбивалентность. С одной стороны, данное знание “акцентирует свое внимание не на мире должного, а на мире сущего, стремится говорить на языке верифицируемых суждений истины, рассматривая человека, общество и историю в собственной логике их существования,

¹ Профессор философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук (E-mail: xmelevsk@mail.ru).

² Профессор кафедры “Маркетинг и логистика” ФГБОУ ВПО “Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации”, доктор политических наук, доктор экономических наук (E-mail: dermakow@yandex.ru).

³ См.: Амселек П. Научный статус правовых исследований // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания. Материалы седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / Отв. ред. В.Г. Графский. М., 2013. С. 208–221.

⁴ Хмелевская С.А., Соломатин В.А., Хмелевский С.В. Система гуманитарного и социально-экономического знания. М., 2001. С. 331.

которая не зависит от ценностных предпочтений познающего субъекта”⁵. С другой стороны, его цель – сформировать ценностную интерпретацию социальной действительности, “показав значимость этого мира для живущих в нем людей”⁶. Как пишет В.В. Ильин, «предмет гуманитарного знания – человечески значимый и значащий материал, личностные измерения объектов, их “судьбоносность”»⁷.

Таким образом, социально-гуманитарное знание амбивалентно по своей природе: оно рефлексивно, стремясь раскрыть сущее и найти в нем закономерности социальной действительности, но одновременно и валуативно, формируя ценностные суждения применительно к этому сущему.

Отметим, что такая система знания имеет разное отношение к научности. Если рефлексивное знание в конечном счете может быть верифицируемо с помощью гносеологических процедур, что, собственно, и выводит нас на определенные критерии научности, то валуативное по своему концептуальному статусу не может быть однозначно отнесено к научному (оставляя в стороне дискуссию в философской литературе по поводу оценочных суждений, отметим, что последние по своей гносеологической природе не однородны: некоторые из них – так называемые оценочные суждения значимости⁸ – могут опираться на обоснованный научный базис и вписываться в систему научного знания; другие – а именно суждения ценности – выражают некие субъективные предпочтения, поэтому справедливо выводятся авторами за рамки науки).

В связи со сказанным выше юриспруденция, рассмотренная в ракурсе совокупного знания о праве (и государстве), также представляет собой амбивалентное знание, которое отражает как закономерности, связанные с системой регуляции поведения индивидов и деятельности общества (что в общем-то и предопределяет его отнесение к лоно научного знания), так и утверждения, которые нельзя оценить с помощью критериев гносеологической истины, но к которым могут быть применимы иные характеристики последней (например, аксиологические, хотя некоторые авторы, в частности К.Х. Момджян, считают категорию истины только категорией гносеологии и не соотносят ее с аксиологическим измерением), выходящие за пределы научности.

П. Амселек приводит целый ряд аргументов, обосновывая специфический подход к трактовке научности юриспруденции и используя для этого вплоть до категорических суждений, что “теоретические исследования в области права не относятся к сфере науки”⁹. Автор прав, когда говорит о том, что “нормы права выражают требования публичной власти, фиксируя должное, тогда как научные законы выражают отношения причинности, фиксируя сущее”¹⁰, хотя последняя часть сформулирована не совсем корректно, так как научные законы могут выражать не только отношения причинности (например, отношения функциональности). Однако даже такая постановка проблемы вызывает вопросы. Отрицать научность юриспруденции только потому, что она изучает артефакты (нормы права, по Амселеку), – неверно. Автор подходит к анализу юридических наук с позиции тех критериев, которые применяются к естествознанию, что отрицает специфику социально-гуманитарного знания, законы

которого, как отмечалось выше, проявляются в деятельности людей, в том числе и в деятельности по социальной регуляции, где и имеют место закономерности, изучаемые юридическим знанием.

Поэтому, на наш взгляд, определенная ненаучность данного знания (вытекающая из амбивалентности социально-гуманитарного знания) связана не с тем, как пишет П. Амселек, что закономерности, которые оно изучает, не возникают самопроизвольно (что имеет место в естественных науках), а с тем, что здесь присутствует пласт валуативного знания, который лишь отчасти (в рамках оценочных суждений значимости) может быть отнесен к науке. В конечном счете нельзя забывать: то должное, что выражено в нормах права, действительно, связано с отражением тех или иных интересов (господствующих социальных групп, большинства населения, хотя в идеале должно носить характер всеобщности, когда, как писал Г.В.Ф. Гегель, “личная единичность и ее особенные интересы... переходят в интерес всеобщего”¹¹), что задает определенные телеориентеры праву (и, соответственно, его ценностные измерения), но оно должно соотноситься и с сущим, отвечать задачам регулирования общественных отношений и поведения отдельной личности и тем самым способствовать развитию общества. И тогда такое регулирование либо отвечает объективным основам деятельности данного общества, либо противоречит этому (в этом плане оно отвечает критериям рефлексивного знания).

В связи с этим юридическое знание, как и любое социально-гуманитарное знание, содержит разные по своей гносеологической характеристике знания: 1) рефлексивное, отражающее закономерности, связанные с социальной регуляцией общественной жизни правовыми средствами, и 2) валуативное, раскрывающее мир с позиций должного, которое, в свою очередь, выражается: а) оценочными суждениями значимости, объектом оценок в которых являются средства, используемые для осуществления поставленных целей, и б) суждениями ценности, выражающими свободу целепостановки.

Далее, исходя из того, что теория права является теоретико-методологическим фундаментом всех прочих юридических наук, а ее рефлексивная часть подпадает под статус научной теории вообще, последняя обладает определенной вертикальной структурой, в которой выделяются: ее эмпирический базис (уровень); уровень теоретической рациональности и метатеоретический уровень. При этом эмпирический уровень включает единичные эмпирические высказывания (говоря языком неопозитивистов, “протокольные предложения”), научные факты, различные эмпирические законы (функциональные, причинные, структурные, динамические, статистические и пр.), полученные главным образом путем индукции (индукции через перечисление, элиминативной индукции, подтверждающей индукции).

Теоретический уровень связан с введением идеальных конструктов (“концептуальный объект науки”), которые вводятся в теорию путем идеализации, а также по определению¹² (например, среди таких идеальных конструктов, составляющих собственные основания теории права, – “право”, “гражданское общество”, “государство” и пр.). “Теоретические конструкты, таким образом, непосредственно не выводятся из опыта, но одновременно не выступают и как продукты чистого разума (вспомним, с чего начинает-

⁵ Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Ч. 1. М., 2013. С. 9, 10.

⁶ Там же. С. 68.

⁷ Ильин В.В. Философия и история науки. М., 2005. С. 307.

⁸ См.: Момджян К.Х. Указ. соч. С. 73.

⁹ Амселек П. Указ. соч. С. 211.

¹⁰ Там же. С. 213.

¹¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 286.

¹² Ильин В.В. Указ. соч. С. 136, 137.

ся процесс идеализации). В процессе научного творчества задействован механизм образования ассоциаций, который позволяет комбинировать различные структуры, синтезировать функции, получая нечто новое (продуктивное воображение). Такое построение теории не исключает, что ее положения могут относиться как к наблюдаемым, так и к не наблюдаемым объектам. Первые описываются в языке этой теории в терминах наблюдения, вторые вводятся в теорию как гипотетические объекты, чей эмпирический смысл еще не определен¹³.

Логической выводимости между теоретическим и эмпирическим уровнями нет, как нет такой выводимости между должным и сущим. Здесь связь более сложная. Теория права не выводится логически из эмпирического бытия правовой реальности, а конструируется, надстраивается над ней благодаря творческой деятельности разума. Но и теоретические правовые конструкты невозможно непосредственно подтвердить правовой эмпирикой. Из теории права могут логически выводиться только теоретические следствия, которые требуют интерпретационных предложений для их реализации применительно к правовой действительности.

Взаимосвязь между теоретическим (Т) и эмпирическим знанием (Э) может быть представлена следующей схемой¹⁴:

$$A_0 \rightarrow T_0 \rightarrow a_0 \sim e_0, \\ J$$

где A_0 – аксиомы, принципы, наиболее общие теоретические законы; T_0 – частные теоретические законы; a_0 – единичные теоретические следствия; e_0 – эмпирические утверждения; J – внелогическая процедура идентификации (интерпретационные предложения). В отношении теории права это означает возможный логический переход от теории права к теориям отдельных юридических дисциплин, которые затем проецируются на эмпирическую правовую действительность через механизмы интерпретации (например, комментарии отдельных положений частных юридических теорий применительно к правовой реальности).

Наконец, теория права имеет и метатеоретический уровень, куда относятся общенаучное знание (например, общенаучная картина мира, общенаучные принципы) и философские основания данной теории.

Среди оснований научного знания (собственные, логико-методологические основания науки и проч.) особое место занимают философские основания, которые выступают связующим звеном между конкретной наукой и философским знанием. Данные основания – это некие интерпретативные схемы, которые соединяют философское и частнонаучное знание. Такие основания существуют в каждой науке, в том числе и в теории права¹⁵. Философские основания достаточно вариативны и включают в себя онтологические, гносеологические, аксиологические и пр. разновидности.

Вопрос о том, следует ли включать философские основания в структуру научной теории, сам по себе риторический.

Философские основания выступают как интерпретативные схемы (аналогичные тем, которые формируются между эмпирическим и теоретическим уровнями), соединяющие собственные основания конкретной науки и философские концепции. “Только после введения соответствующих философских оснований науки научные теории могут выступать подтверждением или опровержением определенных философских концепций”¹⁶.

В последнее время проблема поиска адекватных философских оснований социально-гуманитарного знания активно обсуждается в научной литературе (причем не только в отечественной, но и в зарубежной)¹⁷. Причины возросшего интереса к этой теме весьма вариативны. Для российской гуманитаристики они во многом обусловлены завершением периода монополизации марксизма в качестве философского основания научного знания и поисками новых философских оснований. Рассмотрим, какие в настоящее время предлагаются алгоритмы решения этой проблемы в юриспруденции.

Анализируемая проблема в России актуализировалась в перестроечный и последующий периоды. Тогда многие исследователи восприняли разрушение советской идеологии как крах марксизма, и в научных кругах стало не принято говорить о марксизме как о той философии, которая может рассматриваться в качестве философских оснований современной российской теории права. Отсюда сложились разные методологические подходы к поиску новых философских оснований последней:

отказ от поиска новых философских оснований теории права, игнорирование данной проблемы вообще (как вариант, предложение методологии дескриптивизма). При чем дескриптивизм рассматривается некоторыми теоретиками права как вариант избежать обращения к философским основаниям при изложении правовых проблем;

выделение комплекса философских концепций (герменевтики, феноменологии и пр.) в качестве таких оснований. Между собой эти концепции, как правило, никак не связываются, образуя некую эклектику. Сразу отметим, что рассмотрение комплекса философских концепций в качестве таких оснований, которые находятся в состоянии разрозненности, вряд ли допустимо с позиций практической направленности теории права. В конечном счете философские основания теории права через ряд промежуточных звеньев выходят на правовую практику. Нередко авторы, оправдывая подобную эклектику, ссылаются на ситуацию постмодернизма в философии. Вместе с тем постмодернистское философское мировоззрение, как правило, значительно сложнее и глубже элементарного эклектизма или плюралистического видения предмета исследования. Кроме того, меняется и само отношение западной науки к постмодернистскому мировоззрению. По мнению ряда ученых, «нарастание влияния постмодернистского мировоззрения в последнее десятилетие XX в., связанное с заметным “обесцениванием абстрактного языка объяснительной теории”, в настоящее время сменяется столь резким угасанием интереса к нему со стороны западной общественной мысли, что ситуацию можно охарактеризовать словами “исчезновение постмодернизма”»¹⁸. Возможно, это слишком категоричная

¹³ Хмелевская С.А., Косов М.Г., Волкова Г.Д. Природа теоретических абстракций в науке: проблема их объективации // Альма-матер. Вестник высшей школы. 2014. №4. С. 9–12.

¹⁴ Лебедев С.А., Ильин В.В., Лазарев Ф.В., Лесков Л.В. Введение в историю и философию науки. М., 2005; Хмелевская С.А. Объективация концептуальных каркасов // Философия в современном мире. Сб. / Под ред. В.И. Маркина, В.А. Яковлева. М., 2009. С. 124–131.

¹⁵ См.: Хмелевская С.А. Современная российская теория права: поиски новых философских оснований // “Черные дыры” в рос. законодательстве. 2012. № 1. С. 31–38.

¹⁶ Лебедев С.А., Ильин В.В., Лазарев Ф.В., Лесков Л.В. Указ. соч. С. 196.

¹⁷ См. подробнее: Хмелевская С.А. Современная российская теория права: поиски новых философских оснований. С. 31–38.

¹⁸ Девятко И.Ф. Состояние и перспективы социологической теории в мире и в России // Социс. 2007. № 9. С. 35, 36.

оценка сложившейся ситуации, но в целом с ней можно согласиться;

создание интегративного философского базиса, в котором философские концепции, выступающие в качестве философских оснований теории права, определенным образом сочетались бы, образуя систему. При этом многовариантность таких концепций не исчезает. Однако единый философский базис позволяет найти некое объединяющее начало и, таким образом, избежать эклектизма;

поиск той единственной философской теории, которая могла бы заменить марксистскую и выступить в качестве философских оснований теории права.

Проанализируем данные методологические подходы более подробно.

Относительно первой позиции – отказ от поиска таких оснований, игнорирование данной проблемы – следует отметить, что сделать это не удастся, так как в любом случае теория права выходит на метатеоретический уровень и через философские основания права вписывается в общий контекст культуры. Как отмечалось, некоторые авторы полагают, что избежать обращения к философским основаниям права им поможет дескриптивизм, который в зарубежной теории права появился относительно давно и в ярком образцом которого является концепция Г. Кельзена, в которой право рассматривается исключительно как совокупность норм права. “Предметом правоведения являются правовые нормы, а человеческое поведение – лишь постольку, поскольку оно определяется в правовых нормах как условие или следствие, иначе говоря, поскольку оно представляет собой содержание правовых норм”¹⁹.

Но что в данном случае означает “дескриптивизм” в теории права? Под оболочкой дескриптивизма, по сути, скрывается подход (близкий в чем-то к позитивизму, например, в его стремлении избежать метафизических суждений или суждений оценочного толка, но, в отличие от позитивизма, он не отрицает теоретических конструктов, непосредственно не выходящих из эмпирики), который если не отвергает, то минимизирует значение философских оснований теории права (такой подход не исключает онтологические, гносеологические основания теории права, взятые в определенном ракурсе, но отрицает ее аксиологические основания). Представители дескриптивизма в теории права пытаются отмежеваться от нормативизма, который есть, с точки зрения таких теоретиков права, не что иное, как возрождение метафизического подхода к праву, базирующегося на определенных аксиологических основаниях, и в этом случае право рассматривается как логическое следствие из неких общих философских оснований.

Дескриптивизм исходит из того, что существует в правовой действительности, а не из того, что должно быть. Причем такой подход в настоящее время весьма популярен не только среди правоведов, но и ученых-экономистов, представителей иных гуманитарных наук. Так, в одном современном отечественном учебнике по экономике читаем: “Позитивные науки принципиально воздерживаются от моральных и идеологических суждений по поводу того, как следует относиться к описываемым явлениям, и ограничивают себя исследованием закономерностей исследуемых объектов”²⁰. Но при этом авторы учебника не замечают, что

уже буквально с первых страниц, давая определение экономической науке как науке, изучающей человеческое поведение, они кладут в основу такого понимания некую модель методологического индивидуализма, которая отнюдь не заключена в эмпирике экономической жизни, а представляет собой некое нормативистское основание, предвещающее, собственно, экономическое исследование. Причем трудно отрицать, что и сам дескриптивизм не выводится из экономического или правовых реалий, а представляет собой вариант опять-таки философских оснований нормативистского толка.

Что касается теории права, то, не определяя сущности права, дескриптивизм размывает границы между правовыми и неправовыми явлениями. Так, на подобной методологии выстроены следующие определения права, встречающиеся в современной юридической литературе: “Право – это то, что принимается населением в качестве общеобязательных правил поведения”²¹, “право есть там, где люди убеждены в том, что оно есть”²². Стирание границ между правом и неправом в теоретических конструкциях юридической науки чревато размыванием таких границ и в сфере реализации права, что может иметь весьма негативные последствия.

Кроме того, в самой законотворческой деятельности законодатель реализует проектную деятельность, ориентируясь на мир должного, ставя определенные цели в соответствии с идеалом, образцом. Поэтому в данном случае ограничиться только дескриптивизмом и избежать нормативизма не удастся. Нормативизм в праве выражает и некий идеал, к чему оно должно стремиться в своем функционировании и развитии.

Вместе с тем дескриптивизм корреспондирует с проблемой, которая имеет место в самой философии в связи с амбивалентностью философского знания, которое может быть представлено рефлексивной и валуативной философией. При этом рефлексивная философия (как и рефлексивная часть всего социально-гуманитарного знания) акцентирует внимание на мире сущего, раскрывая его в собственной логике бытия. С этих позиций представляется, что рефлексивная философия как раз и соответствует интенциям дескриптивизма в теории права.

Одновременно с этим выделяется и валуативная философия, цель которой – дать ценностную интерпретацию окружающей действительности. Именно она “решает важнейшие мировоззренческие задачи, участвуя в создании того ценностного консенсуса, который принято называть “духом эпохи””²³. По сути, нормативизм и базируется на такого рода философии.

Укажем, что для теории права значение имеют как рефлексивная, так и валуативная философия. И если валуативная философия являет собой спектр различных философских концепций, каждая из которых может выступить в качестве интерпретативной теории права (хотя и здесь, по мнению некоторых авторов, возможно создание единой валуативной философии, которая могла бы выступить в качестве единого аксиологического основания теории права, но это – тема для отдельной статьи), то рефлексивная философия предполагает достаточно однозначное соотношение между теорией

¹⁹ Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Сб. пер. Вып. 1. М., 1987. С. 51.

²⁰ Экономика. Учеб. / Под ред. А.И. Архипова, А.К. Большакова. М., 2005. С. 34.

²¹ Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. № 2 (241). С. 11.

²² Поляков А.В. Коммуникативный подход в общей теории права // Проблемы понимания права. Сб. науч. тр. Вып. 3. М., 2007. С. 41.

²³ Момдэжян К.Х. Указ. соч. С. 9.

права и философскими основаниями, построенными на базе данной философии.

Поэтому когда речь идет о поисках единственной философии, которая могла бы заменить марксистскую и выступить в качестве философских оснований теории права, то можно сделать вывод, что это – невозможно, так как если рефлексивную философию можно представить в качестве единого философского основания этой теории, то валюативная предполагает множество интерпретаций права (что мы сейчас уже имеем в рамках разных типов правопониманий: позитивистского, либертарного и проч. аналогов куновской парадигмы). Марксизм, по сути, пытался объединить в себе рефлексивное и валюативное философские знания, причем сделал это весьма непротиворечиво, полагая, что мировоззренческие интенции, выражающие потребности и чаяния рабочего класса, не противоречат объективной логике бытия (т.е., говоря на языке смыслов того периода, партийность и объективность здесь совпадают), хотя на деле это оказалось не так.

Тем не менее до сих пор имеют место попытки построить единую валюативную философию права, т.е. другими словами, найти какие-то аксиологические принципы, с помощью которых могла бы быть выстроена единая нормативная теория права. В связи с этим интересно отметить, что при таком методологическом подходе всегда в валюативной философии требуется какое-то абсолютное начало, некий критерий, который позволил бы представить ценностно-мировоззренческую позицию как истинную (причем истинную именно в гносеологическом смысле). Можно привести примеры, когда таким основанием выступало божественное начало (в шариате это имеет место до сих пор). Такие начала искали в разумном устройстве мира, в целеполагании рационально мыслящего индивида и пр.

Применительно к современному праву это выразилось в поисках неких “наднациональных” аксиологических оснований теории права, исходящих из “общезначимых” (“общечеловеческих”) ценностных ориентаций (на роль глашатаев таких ценностных ориентаций претендуют организации международного сообщества, а также правительственные и неправительственные организации США, других экономически развитых государств, объединенных в цивилизацию Запада, декларирующие модель системы ценностей, в “прокрустово ложе” которой должны быть уложены аксиологические основания правовых систем иных стран, прежде всего не относимых к указанной цивилизации). Причем, как показывают события последних лет (а особенно последних месяцев), такие ценности мировые лидеры намереваются насаждать всеми возможными способами, в том числе и насильственными действиями. Возникает риторический вопрос, действительно ли эти страны реально поддерживают данные ценности или просто декларативно провозглашают, стремясь представить их как всеобщие национальные интересы?

Как правило, аксиологические основания теории права, имеющие самое непосредственное отношение к нормативизму, отражены в Конституции, т.е. Основном Законе государства. Идеи либерализма (как некие аксиологические основания права) отражены, например, в действующей Конституции РФ (где, например, нет свойственных прежним, советским конституциям норм, закрепляющих “право на труд”, а есть положение о том, что “труд свободен” (ч. 1 ст. 37); где записано, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и “если международным договором Российской Федерации

установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора” (ч. 4 ст. 15).

Исходя из сказанного, полагаем, что именно в области валюативной философии не может быть монополизма, т.е. той единственной философии, которая могла бы лежать в основе нормативной модели права. Но это не исключает выведения на передний план какой-то одной из таких ценностных парадигм, которая лучше других соответствует сложившимся обстоятельствам места и времени. При этом надо понимать, что подобная философия применительно к праву, не обладая монополией на истину, отражает лишь определенное соотношение социальных сил в обществе, социальный консенсус, который и фиксируется в Основном Законе государства. Но это отнюдь не означает, что аксиологические основания теории права со временем не могут быть пересмотрены.

Итак, если разработка единой рефлексивной философии права в качестве монолитного основания теории права вполне возможна и, более того, необходима, то в силу разной мировоззренческой направленности валюативной философии, базирующейся на разных суждениях о ценностях, сформировать единую философскую концепцию, способную выступить в качестве монолитного аксиологического основания права, достаточно сложно.

Но одной рефлексивной философии недостаточно, чтобы представлять философские основания теории права, потому что уже с самого начала при обсуждении исходных проблем, что есть право и как оно соотносится, например, с его базисными принципами (в частности, со справедливостью), валюативная философия будет давать разные ответы (сравните концепции справедливости в утилитаризме, где социальная справедливость понимается как достижение такого социального устройства, в котором достигнуто благополучие для большинства его граждан, и в концепции Дж. Ролза, где справедливость трактуется как честность, которая может быть сформулирована в виде следующих двух принципов: “во-первых, каждое лицо (person), принимающее участие в какой-либо практике или находящееся в сфере ее воздействия, имеет равное право на наиболее обширную свободу, совместимую с такой же свободой для всех остальных; и, во-вторых, неравенство допустимо только в том случае, если разумно ожидать, что оно будет выгодно для всех и при условии, что то общественное положение и те должности, с которыми оно связано или из которых оно вытекает, являются доступными для всех”²⁴).

Каждая из названных выше аксиологических концепций может претендовать на роль философских оснований теории права (кстати сказать, Дж. Ролза небезосновательно считают основоположником либерально-государственной концепции внутреннего и международного права, в значительной степени лежащей в основе современной политики США²⁵).

Кроме того, ограничить подход к философским основаниям права, опираясь только на рефлексивную философию, вряд ли удастся, так как, относясь к социально-гуманитарному знанию, теория права не может не раскрывать ценностно-смысловую составляющую бытия. Достаточно обратиться к принципам юридических наук, чтобы убедиться в этом (“принцип гуманизма” – в уголовном праве, “принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в

²⁴ Ролз Дж. Справедливость как честность // Логос. 2006. № 1 (52). С. 38.

²⁵ См.: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%EE%EB%E7_%C4%E6%EE%ED

частные дела” – в гражданском праве и пр.). Все эти принципы коррелируют с определенными валюативными философскими основаниями (прежде всего понимания соотношения “человек – государство – общество”). И в данном случае, даже провозглашая эти принципы, можно дать их различную интерпретацию с разных философских позиций. Все это еще раз подчеркивает идею о том, что одной единственно верной валюативной философской концепции, которая может на все времена выступить в качестве философского основания права, не существует.

В этом плане можно говорить о некой интегральной концепции философских оснований права, соединяющей философские основания, базирующиеся, с одной стороны, на рефлексивной философии (аналога дескриптивизма), а с другой – на совокупности валюативных философий, которые сосуществуют, выдвигая на передний план одну из них. При этом надо помнить, что адаптивный эффект и эвристическая значимость разных валюативных концепций при их применении в качестве аксиологических оснований теории права не одинаковы.